

Вторая часть переводов сербских стихотворений, появлением которой мы обязаны неутомимому прилежанию нашей юной подруги, должна была послужить мне поводом для публикации некоторых мыслей об этой столь высоко мною ценимой национальной поэзии. И уже многое было мною подготовлено, когда в 1826 году в сто девяносто втором номере «Геттингенских новостей» я наткнулся на рецензию, избавляющую меня от необходимости дальнейших рассуждений. Она написана основательнейшим языковедом, который одинаково умеет ценить как орган, который служит нам для высказывания, так и то, что им высказывается. Мы бы охотно здесь напечатали вступление к этой рецензии, если бы уже не превысили обычного количества листов. Но в качестве добавления нам хочется заметить следующее.

Сербские песни, правда, после многолетних изысканий и предварительной подготовки в тиши, внезапно предлагаются нашему вниманию в самых различных переводах, которые большей частью лишь постепенно возникают у одного и того же народа.

Из той обычной аккомодации, которая была нужна еще пятьдесят лет назад, когда для того, чтобы хоть несколько расчистить путь иноземному, приходилось всё пригонять по вкусу и нраву своего народа, нас вывела высшая культура. Теперь же, наряду с серьезными и строго придерживающимися оригинала переводами господина Гримма, мы видим живое, свободное, несмотря на соблюдение полного уважения к оригиналу, изложение фрейлейн фон Якоб, благодаря которой мы уже множество прекраснейших героических и нежнейших любовных песен считаем своим немецким достоянием. Теперь присоединяется к этим переводчикам еще и господин Гергардт, с его замечательной изощренностью ритмики и рифмы, и предлагает нам фривольные в собственном смысле этого слова песенки, предназначенные для вокального исполнения.

Если два первых поэтических жанра должны исполняться одним рапсодом или вдохновенным певцом, то здесь мы приближаемся к веселому хору и сталкиваемся с водевилем, который связывает воедино наше чувство и воображение не только с помощью совершенно возвращающегося рефрена, но и вздорных, даже бессмысленных напевов, возбуждающих нашу чувственность и все с нею соприкасающееся, создавая тем самым ощущение общего опьянения.

Это исконная область, в которой общительные французы так щедро себя проявляли и в которой за последнее время показал себя таким мастером Беранже; мы бы назвали его достойным подражания, если бы он, как раз для того, чтобы стать великолепным поэтом этого жанра, не отказался бы от тех знаков уважения, которые мы обязаны воздавать образованному обществу.

Примечательным здесь должно показаться уже то, что полудиккий народ встречается с народом наиболее изощренным как раз на ступени легкомысленнейшей лирики, — пример, благодаря которому мы лишней раз убеждаемся, что единая мировая поэзия существует и, смотря по обстоятельствам, проявляет себя. Ни содержание, ни форма не должны при этом заимствоваться, — везде, где светит солнце, имеет место ее развитие.

Мы воздержимся сейчас от продолжения этих заметок; сокровища сербской литературы станут в ближайшем будущем немецким общественным достоянием, и мы отложим высказывание наших мыслей до тех пор, когда нам удастся узнать в этой области что-нибудь новое. Напомним только, что в предыдущих тетрадях были даны образцы произведений как серьезного, строгого, чисто характерного, так и веселого, жизнерадостного жанра и что на этот раз мы не отказались поместить среди вещей веселого жанра и несколько стихотворений, граничащих с фривольностью.

Комментарии

Напечатано в журнале «Об искусстве и древности» в 1827 году.

Гримм Якоб (1785–1863) — немецкий филолог и собиратель сказок.

Фон Якоб (1797–1870) — писательница и переводчица, упомянута ниже как «южная подруга».

Гергардт Вильгельм Кристоф Леонгард (1780–1858) — переводчик.

Беранже Пьер-Жан (1780–1857) — французский поэт-песенник.

А. Аникст